

Герцог Бургундский размышлял.

Казалось вполне вероятным, что все эти требования исходили из одних уст. Владельца этих уст угадать было нетрудно: им мог оказаться только всемогущий кардинал. А если так, то спешить было некуда. «Добрый герцог» знал, насколько Винчестер нуждается в Деве. Здесь надо было торговаться, пока не удалось бы вырвать максимум. Кроме того, Бургундец не хотел решать вопрос о Деве, пока не разрешится судьба Компьеня. Жанна явилась драгоценным залогом, с помощью которого можно было влиять на волю упрямых горожан; пока город оставался непокоренным, с таким залогом нельзя был расставаться.

Вследствие всего этого первые запросы были оставлены без ответов.

Филипп Добрый не совсем ошибался, считая, что за спинами французских церковников стоит глава английского правительства. Однако этим не исчерпывалась суть дела. Истина была сложнее. Каждая из претендующих сторон имела свои мотивы.

Инквизиция давно уже с тайной боязнью присматривалась к тому, что творилось во Франции. Оснований для этого было более чем достаточно.

Шел беспокойный XV век.

Трое пап, на соблазн верующим, проклинали и предавали анафеме друг друга. Повсюду распространялись плевелы новых антикатолических идей. После английских лоллардов поднялись чешские гуситы. Магистр Ян Гус выступил с отрицанием церковных таинств и авторитета Рима. Магистру аплодировали не только в Праге... С превеликими трудностями, объединив силы духовных и светских властей, католическому миру удалось отразить первые удары. Констанцкий собор осудил Гуса и провозгласил единого папу. Но этим дело не кончилось. Мятежная Чехия стала очагом революционной заразы. Ученики сожженного магистра били «Христовых воинов» и широко распространяли свои идеи. Германия... Польша...